

А.М. Илюкович

1958

Борис Пастернак (1890–1960)

Б.Л. Пастернак родился он и вырос в высокоинтеллигентной московской семье, где искусство насыщало собой весь уклад, всю атмосферу жизни. Отец его был известным художником, академиком живописи. Большая семья Пастернаков занимала флигель при Училище живописи, ваяния и зодчества на Мясницкой, напротив Почтамта. Детство поэта было заполнено учебой в гимназии, уроками музыки, бесконечными занятиями языками, радостными выездами на дачу, традиционными рождественскими и пасхальными торжествами, посещением художественных выставок и концертов, поездками в Петербург.

Особую роль в жизни Пастернака сыграл добрый знакомый семьи композитор Скрябин. Его музыкальные сочинения потрясли юношу, захватили все его существо и внушили мечту о поприще композитора. Он отдал этой страсти шесть лет и добился значительных успехов, но, угнетенный тем, что у него нет абсолютного слуха, в конце концов оставил мысль сделать музыку своей профессией.

Учился Пастернак на философском факультете Московского университета, а в каникулы 1912 года поехал на летний учебный семестр в немецкий городок Марбург, чтобы прослушать курс главы немецких неокантианцев, создателя теории этического социализма Германа Когена. Скромные средства на поездку заработала концертами мать. Но любовная драма, настигшая молодого человека за границей, перевернула его жизнь, он покинул Марбург, потратив остаток денег на путешествие по Италии.

К весне 1913 года, когда Пастернак сдавал выпускные экзамены в университете, он ощущал себя уже не музыкантом и не философом, а поэтом. Первые его стихи появились в том же году в альманахе «Лирика», а в следующем вышла книга поэзии «Близнец в тучах». В 1917 году читатели познакомились со второй книгой — «Поверх барьеров», тогда же написан поэтический сборник «Сестра моя — жизнь», издание которого, однако, задержалось на пять лет. К тому времени Борис Пастернак был признан одним из искуснейших и тончайших мастеров поэтического слова.

Об эмиграции Пастернак не думал, хотя за границей оказались его родители, обе сестры. Он был полон бодрости и не ощущал препятствий для работы. Но не проявлялось у него и полного притяжения новой действительности. Поэт то сближался с ней, и тогда появлялись такие его произведения, как поэмы «Девятьсот пятый год» (1926) и «Лейтенант Шмидт» (1927), то обращался к лирике, основанной на нравственных категориях добра, любви, долга, трактуемых отвлеченно, в их абсолюте.

Слава его достигла апогея к середине 1930-х годов. Речь Пастернака на съезде писателей летом 1934 года вызвала овации. Тогдашний идеолог партии Н.И. Бухарин в докладе о поэзии уделил его творчеству особое внимание. В том же году с вопросами об арестованном Осипе Мандельштаме Сталин обращается именно к Пастернаку. Ему выделили дачный дом в Переделкине. Однако в конце 1936 года признание сменилось резким охлаждением. Перед этим Пастернак отказался подписать коллективное осуждение книги Жиды «Возвращение из СССР», справедливо сославшись на то, что не читал ее. В начале 1937 года творчество поэта подверглось крайней критике на пленуме Союза писателей.

Жизнь осложнилась. Пришлось оставить поэзию и отдаться переводам. Превосходно владея основными европейскими языками, Пастернак изредка обращался к переводам и ранее, теперь это стало его хлебом, работой и увлечением. Начал он с грузинских поэтов: Бараташвили, Церетели, Табидзе, Яшвили, о которых впоследствии писал, что они

«стали частью моего личного мира», потом, почувствовав уверенность, взялся за западно-европейскую литературу, в первую очередь за драмы Шекспира.

Переоценить значение деятельности Пастернака для русской переводческой культуры трудно. По антиреалистической, антихудожественной школе буквалистского перевода был нанесен сокрушительный удар. Возврат к «шекспириментам» прошлого, которые давали русскому читателю косноязычного, плохого, зачастую мало понятного сочинителя, а не великого драматурга, после двухтомника «Шекспир в переводах Пастернака» стал невозможным. Впрочем, среди его предшественников были и очень талантливые профессионалы. «Короля Лира» ранее переводили М. Кузмин и Т. Щепкина-Куперник, «Гамлета» — М. Лозинский. Так что переводческие триумфы давались Пастернаку непросто. Особенно много он занимался Шекспиром в начале войны, когда эвакуировался из Москвы в Чистополь на Каме. Драматург А. Гладков вспоминал:

«Он ютился в небольшой и неудобной комнатухе... Он и в столовую брал с собой работу: англо-русский лексикон, миниатюрный томик Шекспира и очередную страничку перевода. Помню еще какие-то длинные листки, на которых он выписывал трудные места. В ожидании порции водяных щей из капусты (вскоре кончились и они) он работал... В комнате, которую снимал Борис Леонидович с женой, всегда было холодно... Я редко встречал таких терпеливых, выносливых, неизбалованных людей, как Пастернак. Простота и скромность жизни, казалось, были его потребностью».

Война несколько смягчила обстановку вокруг поэта. В 1943 году выходит книжка стихов военных лет «На ранних поездках». Поэт с бригадой писателей выезжает на фронт, шлет оттуда корреспонденции и в них спешит высказать задушевные мысли:

«Нельзя быть злодеем другим, не будучи и для себя негодем... Нарушитель любви к ближнему первым из людей предаёт самого себя».

После войны Пастернак продолжает заниматься Шекспиром; участвует в издании сочинений Шандора Петефи, с ошеломляющим — по мнению специалистов — мастерством переведя несколько его стихотворений; берется за колоссальную работу — перевод обеих частей «Фауста» Гете — и в 1953 году завершает ее. Андрей Вознесенский писал о переводческой деятельности Пастернака:

«Поразителен масштаб Пастернака-переводчика. Такого ни русская, ни мировая поэзия не знали, — тома, тома... Просветительная роль его велика. После себя он оставил школу перевода-подвига...»

Поэт денно и нощно, как в саду, работал, на своем горбу нес нам человеческую культуру, как и нашу культуру — человечеству».

Но в марте 1947 года в газете «Культура и жизнь» появилась статья А. Суркова о Пастернаке, где говорилось, что «советская литература не может мириться с его поэзией». Началась новая тяжелая полоса. Ольга Ивинская, очень близкий поэту человек, надолго и не по своей воле оказалась вдали от него. Кроме переводов, ничто, появляющееся из-под его пера, не печаталось вплоть до 1954 года.

Всего Пастернак создал девять стихотворных книг, четыре поэмы и несколько томов переводов. Постоянно тяготел он и к прозе. Еще в 1922 году вышла повесть «Детство Люверс», поразившая читателя богатством языковых красок и глубоким проникновением в психологию девочки. В 1929 году опубликована «Повесть» Пастернака, два года спустя автобиографическая проза «Охранная грамота», к концу жизни написаны воспоминания «Люди и положения».

Постепенно в нем зрела мысль, что поэзия не дает возможности выразить всю сложность мира, все оттенки своего мироощущения, это позволяет сделать только роман. И после войны основной постепенно становится работа над «Доктором Живаго». Потом он оценивал этот труд почти по-пушкински: «“Доктор” на сто голов выше меня и моего времени. Я не понимаю, как это меня угораздило».

Судьба романа тоже выдалась печальной. На родине это произведение, которое автор считал основным делом своей жизни, не было напечатано. Он передал рукопись

итальянским коммунистам. Остальное — известно. Писатель прожил еще недолго. Похороны в Переделкине вылились в манифестацию любви и уважения к нему. После него остались чистая, прекрасная поэзия, глубокая, блестящая проза, книги мастерских переводов. Программа жизни, сформулированная Борисом Пастернаком в строках

Цель творчества — самоотдача,
А не шумиха, не успех,

— оказалась выполненной.